

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Ф. ГОРЛЕНКО

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И УКРАИНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX века

История этнографической науки на Украине не получила почти никакого отражения в советской историографической литературе, если не считать нескольких работ, посвященных этнографической деятельности отдельных украинских ученых¹.

Картина развития украинской этнографии в XIX в., как она представлена в дореволюционной буржуазной русской и украинской историографии, помимо того, что несет на себе печать буржуазной ограниченности или буржуазно-националистической тенденциозности исследователей, страдает еще и неполнотой, обедненностью в изображении процесса развития этой отрасли науки на Украине.

Так, период в истории украинской этнографии с 1847 г., то есть со времени разгрома Кирилло-Мефодиевского братства, и до 60-х гг. XIX в. — до начала издания журнала «Основа» — представлен в дореволюционной историографии как годы застоя в этнографическом изучении украинского народа², как продолжение периода разрозненности усилий отдельных этнографов-любителей, интересы которых не выходили за рамки интересов лишь местного краеведческого значения³.

А между тем более глубокое ознакомление с документальными материалами, главным образом архивными⁴, касающимися истории развития науки на Украине, позволяет нам представить развитие этнографического изучения украинского народа в этот период совсем в ином виде.

Созданное в 1845 г. Русское географическое общество к 1848 г. развернуло активную деятельность по изучению культуры и быта «народа Русского», под которым понимались тогда русские, украинцы и белорусы. Объединение в рядах РГО в качестве членов и членов-сотрудников, наряду с русскими, украинских ученых и любителей этнографии, постановка принципиальных вопросов этнографической науки, и особенно распростра-

¹ О. М. Кравець, Роль Т. Г. Шевченка у розвитку етнографічної науки на Україні (кандидатская диссертация), - Київ, 1952; М. Т. Ломова, Діяльність І. Я. Франка як етнографа (канд. дисс.), Львів, 1955; А. С. Куницкий, Украинский этнограф Павел Платонович Чубинский, «Сов. этнография», 1956, № 1.

² М. Грушевский, Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения, «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 1. СПб., 1914, стр. 22.

³ См. А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. III, «Этнография малорусская», СПб., 1891.

⁴ Настоящая статья написана главным образом на основании изучения архива Всесоюзного географического общества (в дальнейшем цит. АГО), а также других архивов Ленинграда и Киева.

нение на Украине этнографических программ в 1848 и 1852 гг., способствовали дальнейшему развитию этнографии на Украине в эти годы. Впервые в пределах территории всей Украины (имеется в виду та часть Украины, которая входила тогда в состав России) был проведен сбор этнографических материалов по всем разделам культуры и быта украинского народа. Этнографическая работа на Украине уже к началу 50-х гг. XIX в. приобрела черты организованности и целеустремленности.

В начале 1851 г. при Киевском университете была создана носящая характер ученого общества «Комиссия для описания губерний Киевского учебного округа», которая в плане задач и целей РГО приступила к более глубокому изучению природных условий и населения коренных украинских губерний. В 1854 г. в Комиссии было открыто отделение этнографии, которое возглавило на протяжении пятилетия этнографическую работу на Украине, втянув в эту работу свежие силы.

Таким образом, вопреки той картине застоя, разобщенности усилий в этнографическом изучении украинского народа, которая дается в дореволюционной историографии, оказывается, что именно в этот период этнографическая работа на Украине приобретает характер организованности.

* * *

К середине 40-х годов XIX в. развитие этнографии на Украине характеризовалось уже значительными успехами. Возникали первые общеукраинские этнографические научные центры.

В конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. таким центром являлся Харьков. Часть профессоров и студентов Харьковского университета: П. П. Гулак-Артемовский, И. И. Срезневский, А. Л. Метлинский, Н. И. Костомаров и ряд писателей и культурных деятелей Украины: Г. Ф. Квитко-Основьяненко, К. М. Семеновский, М. Петренко, И. Г. Бецкий и другие, также группировавшиеся вокруг университета, движимые общими интересами изучения культуры и быта украинского народа, его прошлого, поддерживали между собой тесные связи, обменивались материалами, разрабатывали планы массового сбора этнографических материалов, публикации их.

С усилением роли Киева в культурной и научной жизни Украины, после открытия там университета в 1834 г., к середине 40-х гг. XIX в. центр этнографического изучения украинского народа стал перемещаться в Киев. к кружку любителей украинской этнографии, сложившемуся при Киевском университете, во главе с одним из старейших украинских этнографов — М. А. Максимовичем, в это время примкнули представители передовой буржуазно-либеральной и демократической интеллигенции: Н. И. Костомаров, М. В. Белозерский, А. В. Маркович, Н. И. Гулак и другие. К этому же кружку близко стоял приехавший в это время на Украину и проявлявший огромный интерес к культуре и быту украинского народа Т. Г. Шевченко. Следует, однако, иметь в виду, что этнографические интересы Т. Г. Шевченко, в отличие от интересов буржуазно-либеральной интеллигенции, были подчинены совершенно иным целям⁵.

Насущно необходимым для дальнейшего развития украинской этнографии было создание на Украине такого этнографического учреждения, которое объединило бы усилия отдельных исследователей и вместе с тем легализовало бы их деятельность по изучению культуры и быта украинского народа. Однако в условиях николаевской реакции, явившейся ответом на обострение классовых противоречий и усиление классовой борьбы на Украине, как и во всей России вообще к концу 40-х гг. XIX в., стремление ученых и этнографов-любителей к объединению не находило поддержки со стороны царского самодержавия. Наоборот, украинские этнографы встречали на пути своей деятельности, в особенности после разгрома Кирилло-Мефодиевского братства, все большее противодейст-

⁵ См. О. М. Кравець, Указ. раб.

вие полицейско-чиновничьего аппарата. Несмотря на это, этнографическая работа на Украине не прекращалась. Она сосредоточилась в созданном незадолго перед этим Русском географическом обществе, членами которого были избраны многие украинские ученые и любители-этнографы. Отделение этнографии РГО, являясь общероссийским этнографическим центром, было вместе с тем и первым научным обществом, объединившим украинских этнографов. Известно, что основная масса наиболее активных деятелей РГО принадлежала к буржуазно-либеральному лагерю. Однако уже вскоре после создания Общества в его рядах оказалось и значительное число наиболее передовых для своего времени людей, какими являлись, например, петрашевцы⁶.

Призыв русских ученых ко всем образованным людям России принять живое участие в трудах РГО нашел среди передовых украинских ученых и любителей-этнографов самый горячий отклик. В адрес РГО поступали десятки писем с Украины с изъявлением готовности включиться в его деятельность. Украинские ученые и этнографы-любители по достоинству оценили ту роль, которую предстояло сыграть РГО в развитии этнографии на Украине. Известный своей принадлежностью к харьковскому кружку любителей украинской этнографии ученый буржуазного толка К. М. Сементовский писал, например, в РГО, сообщая о своей готовности принять участие в трудах Общества и высылая одновременно свою этнографическую работу⁷. «Учреждение ГО составит, конечно, блистательную эпоху в истории изучения нашего Отечества. Все, кому дороги успехи науки на этом обширном поприще, исполнились живейших надежд при известии об учреждении Общества... Издавна посвящая досуг свой изучению этнографии, преимущественно малорусской, я на опыте удостоверился в затруднениях, какие представляют для частного человека в этом деле»⁸. Помещик-либерал Н. А. Маркевич — известный в то время украинский историк и этнограф — в восторженном письме, адресованном в РГО, также сообщал о своей готовности принять участие в деятельности Общества, называл имена людей, известных уже на Украине своим интересом к этнографии: П. П. Белецкого-Носенко, А. В. Капниста, А. М. Маркевича, И. И. Ханенко, «которые за счастье почтут служить Обществу». Он давал совет, основываясь на собственном опыте, как лучше организовать сбор необходимых материалов и наладить связь с корреспондентами: «Лучше было бы ему (РГО.— В. Г.) относиться к предводителям с просьбой, чтоб они назвали имена людей ученых в их губерниях, а потом уже Общество могло бы относиться прямо к лицам названным... Каждому из них приятнее и лестнее будет иметь дело с Обществом прямо, а не через посредников... Если же оно будет действовать через предводителей, то отдалится от цели и, что еще хуже, будет иметь много неверных сведений»⁹.

Вскоре после образования РГО в ряды его действительных членов или членов-сотрудников были приняты многие лица, уже известные своей работой в области украинской этнографии. Действительными членами Общества были избраны: в 1847 г. М. А. Максимович, несколько позже — М. О. Судниенко, Н. И. Ригельман, Н. Д. Иванишев, князь В. Д. Дабижа и другие, в число членов-сотрудников — Н. А. Маркевич, А. Л. Меглинский, А. С. Афанасьев-Чужбинский, Н. М. Сементовский, известный украинский статистик и одновременно этнограф Д. П. Журавский, священник с Черниговщины В. Максимович и многие другие.

Организационная принадлежность украинских этнографов к Обществу и получение ими соответствующих документов значительно облегчили их работу. Деятельность по изучению народной культуры и быта, встре-

⁶ См. статью Б. А. Вальской «Первые попытки описания России Географическим обществом», «Вопросы географии», сб. 31, М., 1953, стр. 135.

⁷ «Замечания о праздниках у малороссиян», «Маяк», 1842, т. VI, № 12.

⁸ Письмо К. Сементовского, фонд 1—1848, опись 1, дело № 4, лист 332.

⁹ Письмо Н. А. Маркевича в РГО, АГО, ф. 1—1848, оп. 1, д. № 2, лл. 33, 34.

чавшая недоверие, а часто и противодействие местных властей, была как бы узаконена. Учитель одной из харьковских гимназий С. И. Кованько специально обращался в РГО с просьбой удостоить его звания члена-сотрудника, так как это значительно облегчало занятия этнографией¹⁰.

Важное значение для быстрого повышения теоретического уровня украинских этнографов имела начатая русскими учеными уже с первых лет существования РГО работа по распространению печатных изданий РГО, посредством чего велась пропаганда этнографической науки. Согласно уставу РГО, все его члены и члены-сотрудники, проживавшие в провинции, в частности на Украине, получали печатные издания Общества, иногда — бесплатно. Кроме того, РГО рассылало свои издания по Украине, так же, как и по всей России, по библиотекам университетов, гимназий и других учебных заведений. В АГО хранится большое количество писем с Украины, в которых содержится сообщение о получении теми или иными лицами и учреждениями периодических изданий РГО. В 1852 г. РГО открыло продажу своих изданий в книжной лавке купца Должикова в Киеве.

Уже в первых книжках периодических изданий РГО были помещены программные статьи по этнографии: К. М. Бэра «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»¹¹, перепечатанная вскоре в «Киевских губернских ведомостях»¹²; Н. И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности Русской»¹³, в которой он уделял большое внимание и вопросу изучения украинцев, проживающих за пределами России; в более поздних — работа К. Д. Кавелина «Некоторые извлечения из собираемых в ИРГО этнографических материалов о России, с заметками об их многосторонней занимательности и пользе для науки»¹⁴ и другие. Достижения русских ученых в области разработки теории самой этнографической науки становились, естественно, и достоянием украинских ученых. Интерес передовой украинской интеллигенции к культуре и быту, правдам и обычаям своего народа приобретал определенную целеустремленность. Представления об этнографии как науке (о ее задачах, содержании, предмете, объекте этнографического изучения, методике этнографических исследований) достигали через людей, сотрудничавших в РГО, самых отдаленных районов Украины. Благодаря печатным изданиям РГО, — на страницах которых регулярно освещалась деятельность различных зарубежных этнографических учреждений и отдельных ученых, ход и результаты этнографических экспедиций, — ученые и любители этнографии на Украине знакомились с новейшими достижениями мировой этнографической науки.

Не случайно в среде образованных людей самых различных слоев тогдашнего украинского общества наблюдался такой большой интерес к изданиям РГО. В АГО хранится большое количество писем середины XIX в., в которых содержится просьба выслать те или иные издания Общества. Так, с неоднократными просьбами о высылке им «Записок РГО» и «Вестника РГО» обращались в Общество: Н. Белозерский из местечка Борзны Черниговской губернии, К. М. Сементовский, Л. Г. Петрусевич из Брацлава Подольской губернии, помещик И. Лысевицкий из с. Натальевки Александровского уезда Екатеринославской губернии, П. Д. Дмитриев из г. Пирятина Полтавской губернии и многие другие.

Большое значение для оживления деятельности ученых-специалистов и любителей украинской этнографии имело предпринятое РГО собирание ранее изданных этнографических сочинений или произведений, содер-

¹⁰ Письмо С. И. Кованько в РГО, АГО, ф. 1—1858, оп. 1, д. № 54, л. 1.

¹¹ «Записки Русского географического общества», 1, СПб., 1846.

¹² «Киевские губернские ведомости» (часть неофициальная), 1848, № 32, 33.

¹³ «Записки РГО», II, СПб., 1847.

¹⁴ «Географические известия, издаваемые от Русского географического общества», СПб., 1850, вып. 3, стр. 324.

жащих сведения этнографического характера. К концу 40-х — началу 50-х гг. XIX в. РГО получило в ответ на просьбы, направленные часто лично к каждому автору или издателю, значительное количество работ подобного рода, изданных на Украине.

Украинские ученые и любители-этнографы, к которым обращалось РГО с просьбой прислать изданные ими работы, видели, что труд их находит признание в ученом Обществе, и это стимулировало их дальнейшую работу¹⁵.

Создание РГО и его деятельность уже к 1848 г. активизировала собирательскую работу ученых-специалистов и любителей-этнографов. Так, например, Г. Базилевич, священник местечка Александровка на Черниговщине, в письме от 25 июня 1849 г. сообщал, что он — как только узнал об образовании РГО — начал собирать этнографические материалы и еще до получения «форм и наставлений» (имеются в виду программы РГО) выслал их через духовную консисторию в РГО¹⁶. В среде ведущих украинских этнографов возникают планы проведения широких этнографических исследований. В этом отношении показательно письмо М. А. Максимова в РГО, черновой набросок которого обнаружен нами в отделе рукописей Публичной библиотеки АН УССР¹⁷. Судя по содержанию, это письмо датируется приблизительно 1848 годом. Выражая свое горячее желание участвовать в деятельности РГО, одобряя намерение его руководящих деятелей приступить к изучению «народности русской», Максимович предлагал осуществить большую этнографическую экспедицию по левобережью Украины и прилегающим к нему «великорусским» и «белорусским» областям. В задачу такой экспедиции, подготовку и проведение которой он брал на себя, должно было войти исследование диалектных особенностей народного языка этого района, сбор произведений устного народного творчества, с тем чтобы, помимо всего прочего, установить «с точностью пограничную линию, которой отделяется малороссийское наречие от среднерусского и белорусского», и составить «подробную этнографическую карту». Одновременно Максимович считал необходимым обратить внимание на все «примечательное и характеристичное» в материальной и духовной культуре населения исследуемого района. «Я думаю,— писал он,— что, может быть, и во всем этом удастся найти и приметить особенности разных ветвей русского народа, соответствующие и совпадающие с его диалектическими разностями. Тогда бы открылась возможность дойти до тех первоначальных отраслей славяно-русского племени, из которых сложился наш великий народ».

Обращая на себя внимание научных замыслы Максимова в области этнографии, с которыми по грандиозности в то время мог, пожалуй, сравниться только план проведения этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, возникший в РГО к концу 50-х — началу 60-х годов XIX века. Мы не располагаем сведениями относительно того, было ли послано это письмо и, если было послано, то какую реакцию вызвало оно в среде ведущих деятелей Отделения этнографии РГО. Независимо от этого черновик письма со всей убедительностью свидетельствует о том, что интересы украинских этнографов в то время сосредоточивались на вопросах далеко не местного и частного значения.

* * *

Новый этап в этнографическом изучении украинского народа начинается в связи с деятельностью РГО по распространению этнографической программы в 1848 году.

¹⁵ См., например, письмо А. А. Скальковского в РГО, АГО, ф. 1—1852, оп. 1, д. № 65, л. 2.

¹⁶ Письмо Г. Базилевича, АГО, ф. 1—1849, оп. 1, д. № 1, л. 261.

¹⁷ Архив М. А. Максимова, II, № 2467.

Вскоре после объявления о создании Общества из различных районов России, в том числе и с Украины, в РГО стали поступать письма, в которых содержалось пожелание получить от РГО инструкции или программы, которые явились бы руководством при сборе материалов. Подобное пожелание содержалось, например, в уже упоминавшемся нами письме Н. А. Маркевича, где он рекомендовал Совету РГО разослать своим корреспондентам «уставы ... программы, образчики, по которым бы можно видеть раму всего, состав и цель целостного труда, границы каждой отдельной статьи»¹⁸.

На протяжении 1847 г. в РГО была разработана этнографическая программа, предназначенная (в связи с новым направлением в русской этнографии, намеченным Надеждиным в его докладе, сделанном на общем собрании РГО в 1846 г.) «исключительно для изучения народности Русской». «Народность Русская» — понятие, в то время тождественное в значительной мере современному понятию «восточные славяне». Под «народностью Русской» понимались великорусы, украинцы и белорусы.

Этнографическая программа РГО 1847 г. состояла из введения и шести разделов: 1) «Относительно наружности», 2) «О языке», 3) «Домашний быт», 4) «Особенности общественного быта», 5) «Умственные и нравственные способности и образование», 6) «Народные предания и памятники». Для своего времени она отличалась необычайной широтой; ею были охвачены (оставляем в стороне первые два ее раздела), пожалуй, все стороны народной культуры и быта: жилище и народная одежда, пища и домашняя утварь, средства передвижения и орудия труда; местные особенности хозяйства, занятий населения; местные обычаи и обряды, связанные с семейной, общественной жизнью и самыми различными житейскими событиями; особенности верований народа, народная медицина; проведение народом досуга: игры, пляски, музыка и музыкальные инструменты. Значительное внимание уделялось в программе изучению сельской общины, народного характера и нравственности, уровня общего развития местного населения, устного народного творчества. Правда, программа не была подробной. Она отмечала только основные контуры разделов, касавшихся тех или иных сторон народной культуры и быта. И все же для своего времени этнографическая программа РГО 1847 г. представляла собой знаменательное явление в истории развития этнографии в России. Это была первая в русской науке специально этнографическая программа, где вопросы, составляющие содержание предмета этнографии, были приведены в определенную связь и систему. Большим достоинством программы являлось то обстоятельство, что в ней, наряду с изучением духовной культуры, отводилось значительное место изучению материальной культуры, причем пункты, содержащие вопросы по материальной культуре, были поставлены на первое место. Этнографическая программа РГО предусматривала описание всего комплекса культуры и быта отдельных народов России в современном состоянии, что было для того времени новым словом в этнографической науке.

В 1848 г. свыше 7 тысяч экземпляров программ было разослано преимущественно по европейским губерниям России, в том числе и по украинским губерниям.

Программа, придав определенное направление всей собирательской работе, вызвала новый подъем среди всех занимающихся изучением культуры и быта украинского народа. «Хотя о учреждении РГО извещали, — пишет в связи с получением программы А. К. Кованько из г. Константинограда Полтавской губернии, — но цель до получения приходской церковью книжки (имеется в виду программа. — В. Г.) вполне не была известна. Теперь имею честь препроводить две тетради, с уверенностью,

¹⁸ Письмо Н. А. Маркевича в РГО, АГО, ф. 1—1848, оп. 1, д. № 2, лл. 33, 34.

что желание быть чем могу полезным обществу не будет отринуто»¹⁹. Кованько высылал в РГО тетради с поговорками и присказками, употребляемыми «в народном быту Малой России». Помещик Александрийского края, кандидат университета С. С. Добровольский в письме от 1 сентября 1848 г. сообщал в РГО, что, получив программу, он тут же начал приводить в порядок уже собранные ранее этнографические материалы²⁰. Из различных ведомственных учреждений украинских губерний в РГО поступали списки учителей, священников, служащих, изъявивших желание заняться собирательской работой и получивших программы. В этнографическую работу, наряду с людьми, проявлявшими и ранее интерес к народному быту, были вовлечены сотни новых лиц.

Уже в 1848 г. и в последующие годы из разных районов России, в том числе и с Украины, в РГО начали поступать ответы на программу, из которых стали видны отдельные ее недочеты и пробелы, неизбежные при первом опыте составления такой программы.

В 1852 г. Отделение этнографии предприняло переиздание программы. При сохранении прежнего общего направления ее разделы, касающиеся изучения материальной культуры, были значительно расширены и детализированы. Так, например, пункт второго издания программы, касавшийся народного убранства, уже охватывал этот раздел материальной культуры, пожалуй, по всем направлениям: платье, головные уборы, обувь в зависимости от пола и возраста, времени года, различных житейских событий; составные элементы костюма; манера убирать волосы. Программа требовала сопровождать описание народного костюма зарисовками его, причем «желательно, — указывалось в ней, — получать рисунки каждой из принадлежностей одежды в распластанном виде», как целиком, «так и частей их» с названиями, то есть давать представление о покрое одежды. «Описание всего означенного должно быть подробно до мелочей», — говорилось в этом пункте.

В том же 1852 и следующем 1853 г. более пяти тысяч экземпляров программы второго издания²¹ вновь были распространены по всей России.

О значительном по тому времени количестве экземпляров этой программы, разосланных по всей Украине, видно из так называемой «Ведомости о числе экземпляров программы для исследования русской народности, второго издания, которые нужно препроводить к разным... лицам»²². Из этой ведомости, представляющей собой план распространения программы, видно, что по 50 экземпляров программы было распространено через епархиальных архиереев, причем в списке значатся все архиереи украинских губерний; 30 экземпляров программы — через директоров училищ губерний, через управляющих удельными конторами и управляющих палатами государственных имуществ. По 5 экземпляров программы получали все высшие и средние учебные заведения, а также действительные члены и члены-сотрудники Общества. В списке получивших программу значатся директор училищ губерний по всем украинским губерниям: Ригельман, Богаевский, Кипченко, Росковшенко, Глушановский, Шопен, Грахов, Эльнэр; управляющие удельными конторами и палатами государственных имуществ на Украине, а также действительные члены и члены-сотрудники Общества М. А. Максимович, Н. А. Ригельман, М. О. Судиенко, Н. М. Сементовский и другие. Помимо всего этого, программа была опубликована в «Киевских губернских ведомостях»²³. Из письма, написанного от имени митрополита Киевского и Галицкого, которое хранится в

¹⁹ Письмо А. К. Кованько, АГО, ф. 1—1848, оп. 1, д. № 4, л. 262.

²⁰ Письмо С. С. Добровольского, АГО, ф. 1—1848, оп. 1, д. № 2, л. 121.

²¹ См. «От Императорского Русского географического общества», СПб., 1852.

²² АГО, ф. 1—1852, оп. 1, д. № 5, л. 11.

²³ «Киевские губернские ведомости» (часть неофициальная), 1853, № 42, 43.

АГО, видно, насколько популярны были среди образованных людей украинского общества к этому времени «занятия местной народностью». В письме содержалась просьба выслать, кроме полученных и распространенных уже 50 экземпляров программы, еще 30 экземпляров программы, так как «не всем желающим заниматься описанием хватило».

Основываясь на указанных выше «Ведомости» и других документах, можно заключить, что только из второго издания программы на Украину попало около 800 экземпляров ее, причем распространение программы было произведено в основном равномерно по всем губерниям, а внутри губерний — по уездам. Так, например, из 10 программ, посланных директору училищ Полтавской губернии, кроме Полтавы, они попали в уездные города Прилуки, Лохвица, Лубны, Миргород, Гадяч, Переяслав. В села попадали программы, распространяемые главным образом через епархиальных архиереев.

Судя по тому, что ответы на программу первого издания поступали в РГО из всех украинских губерний, можно заключить, что это издание этнографической программы РГО еще в большем, по-видимому, количестве экземпляров было распространено также по всем украинским губерниям.

Следовательно, с 1848 г. в масштабе всей Украины началась впервые в истории украинской этнографии, организованная систематическая собирательская работа, в которую включились сотни людей самых различных слоев тогдашнего украинского общества: учителя и священники, мелкие чиновники, помещики и представители других слоев.

Результаты работы были необычайно плодотворны. К середине 50-х гг. из самых различных районов Украины в РГО поступило не менее 150 рукописей в виде ответов на программу²⁴.

Эти рукописи по полноте и обстоятельности содержащихся в них описаний были, естественно, не равноценны. Одни из них содержали ответы только на один или несколько разделов или пунктов программы и давали соответственно либо описания обычаев и обрядов украинского народа, либо описания народной пищи, занятий населения, либо представляли собой собрания произведений устного народного творчества и так далее. Но значительное количество рукописей, в особенности те из них, которые являлись ответами на программу второго издания, представляли собой хорошо отработанные, выполненные со знанием местного быта всесторонние описания культуры и быта населения отдельных украинских сел, местечек и целых уездов.

В украинской этнографии появился таким образом новый вид научного описания — монографическое описание культуры и быта, нравов и обычаев жителей отдельных населенных пунктов.

Большое место в поступивших рукописях отводилось характеристике материальной культуры украинского народа. Так, в ряде рукописей описание жилища давалось со всеми подробностями²⁵: расположение его в системе двора, техника строительства, указание размеров, обряды и обычаи, связанные со строительством; планировка хаты и внутреннее убранство ее. К описаниям иногда прилагались рисунки или чертежи с планами жилища и хозяйственных построек. То же следует сказать и о других разделах материальной культуры. Если одни из авторов рукописей ограничивались только перечислением составных элементов украинского костюма, то другие давали довольно обстоятельное описание всего комплекса народной одежды, в зависимости от пола, возраста, профессии ее носителей, времени года, торжественных случаев, начиная

²⁴ Заключение об этой цифре мы делаем на основании приблизительного подсчета поступивших к этому времени с Украины рукописей, хранящихся в АГО в настоящее время.

²⁵ См., например, рукопись В. Абрамовича 1854 г. «Этнографические сведения о Ровенском уезде Волынской губернии», АГО, разряд 8, опись 1, дело № 16; рукопись А. Потаповского 1854 г. «Отличительные черты жителей Волынской губернии Овручского уезда», АГО, р. 8, оп. 1, д. № 18.

от «сорочки», с указанием на особенности ее покроя²⁶. Большое место в собранных материалах занимали сведения, касавшиеся народной пищи украинцев.

Авторы большинства рукописей, как правило, давали перечень народных блюд с кратким указанием на способ их приготовления. Отдельные же рукописи, целиком посвященные характеристике этого раздела материальной культуры украинского народа²⁷, давали всестороннее описание пищи, начиная от способов заготовки продуктов, перечисления самих блюд, способов их приготовления до указаний на особенности народной пищи в зависимости от направления хозяйства данного района, времени года, зажиточности населения, тех или иных торжественных случаев; отмечались в этих рукописях местные особенности в накрывании стола и т. д.

Беднее были сведения относительно орудий труда, домашней утвари, средств передвижения. Зато чрезвычайно обильно в собранных материалах была представлена духовная культура украинского народа. Почти все рукописи содержали более или менее подробное описание местного свадебного ритуала, являясь неоценимым источником при изучении украинской свадьбы. Обычно большинство рукописей содержало описание поверий, обычаев и обрядов, связанных с семейной жизнью, хозяйственной деятельностью и самыми различными житейскими событиями; собрания сказок, песен и пословиц, присланные с Украины в РГО, насчитывали нередко сотни, а то и тысячи номеров²⁸.

Значительное место в собранных этнографических материалах занимали сведения, касающиеся семейного и общественного быта украинцев.

К. Д. Кавелин, оценивая поступающие в ответ на программу материалы из различных районов России, писал в 1850 г.: «Нельзя без особенного участия и уважения смотреть на эту громаду частных трудов, ... составляющих богатейшее собрание этнографических материалов... Богатство и разнообразие доставленных материалов поразительно. Обнимая все стороны народного быта в малейших подробностях, они представляют полную картину современного русского простолудина, начиная с его наружного вида, одежды, пищи, жилья, до тончайших оттенков его речи, понятий, печалей и радостей в домашней и общественной жизни»²⁹.

Анализ описаний, выполненных украинскими собирателями по программе РГО, позволяет заключить, что в ряде случаев сбор материалов произведен с соблюдением необходимых при составлении этнографических описаний методических установок. Так, кроме паспортизации собранных материалов, т. е. указаний, где, когда и от кого произведена та или иная запись, в ряде рукописей сведения, полученные путем опроса, приводились со всеми особенностями языка информатора. Нередко авторы давали зарисовки характерных бытовых сцен из народной жизни, причем параллельно с русской терминологией давали местную терминологию по описываемым разделам культуры и быта, указывая на очень важные для исследователя-этнографа оттенки в понимании того или иного термина в данном районе. С. Л. Метлинский, автор рукописи «Этнографические сведения о жителях Полтавской губернии»³⁰, указывал, например, на различное значение слов «двир» и «подвирья». «Место, занимаемое домаш-

²⁶ См., например, вышеназванную рукопись А. Потаповского или рукопись В. Г. Антонова «Село Макиевка Василковского уезда (этнографические и иные сведения)», АГО, р. 16, оп. 1, 231 стр.

²⁷ См., например, рукопись А. И. Каневского 1851 г. «Народная пища в Золотошском уезде», АГО, р. 31, оп. 1, д. № 23.

²⁸ См., например, рукопись С. Пономарева 1853 г. «Сборник малороссийских пословиц и поговорок», АГО, р. 46, оп. 1, д. № 20, в которой представлено 1150 пословиц и поговорок.

²⁹ К. Д. Кавелин, Некоторые извлечения из собираемых в ИРГО этнографических материалов о России, с заметками о их многосторонней занимательности и пользе для науки, «Географические известия», СПб., 1850, вып. 3, стр. 324—325.

³⁰ АГО, р. 31, оп. 1, д. № 9.

ними постройками, называется «двир». Если же вместе смежно находятся несколько таких дворов братьев или вообще родственников, носящих одну фамилию, это называется «подвирьем».

Соблюдение украинскими собирателями указанных методических установок значительно повышало научную ценность собранных этнографических материалов.

Следует, однако, иметь в виду, что далеко не все собиратели давали правдивую картину жизни и быта украинского народа и, следовательно, их материалы были далеко не равноценны с этой стороны. В рукописях, присланных представителями самых различных слоев украинского общества, нашли отражение интересы разных общественных классов и политических группировок, что отразилось как на подборе содержащихся в рукописях материалов, так и в оценке их. Часть авторов, во взглядах которых отразилось стремление крестьянских масс к освобождению из-под ига крепостничества, разоблачали крепостнические порядки в деревне, доказывали, что нищета и забитость украинского крестьянства обусловлены вовсе не национальными особенностями характера, культуры и быта украинского народа, давали правдивую характеристику украинцев. Сторонники же незыблемости крепостнических порядков в деревне вынуждены были прибегать к одностороннему подбору этнографических материалов или к прямой фальсификации их, с тем чтобы объяснить бедственное положение украинского народа его якобы врожденными пороками.

Так, в рукописях собирателей, придерживавшихся крепостнических взглядов, украинское крестьянство представлено как невежественная, ни к чему не способная масса лентяев и пьяниц. Клевеща на талантливый украинский народ, умалчивая об истинной причине его нищеты — жестокой крепостнической эксплуатации, — эти собиратели стремились доказать, что причиной бедности украинского крестьянства является его якобы врожденная лень и особенное пристрастие к пьянству, как «наследию предков своих». Крепостнические же порядки они изображали как благо, как спасительное средство против всеобщей разлухи в деревне. Отставной ротмистр, помещик М. И. Пашенко утверждал, например, что «если малоросс сохраняет еще кое-какую привычку к оседлости и исполняет не совсем дурно свои обязанности в отношении к владельцу, то этой наружно-нравственной добродетели он обязан не своим качествам природным, а той узде, от которой поводья в руках владельца... Где слабы поводья, там нет порядка — все стремится к разорению»³¹. Даже в телосложении крестьянина описатели этого направления видели уродливую «несоразмерность», а в быту — крайнюю нечистоплотность, в то время как подавляющее большинство собирателей свидетельствовали совсем об обратном. Однако к середине 50-х гг. XIX в. позиции помещиков-крепостников заметно ослабевали. Ослабевала вместе с тем и помещичье-крепостническая идеология, падало ее влияние на науку. Следует помнить, что рукописей, представляющих характер, культуру и быт украинского народа в таком извращенном виде, в общей массе собранных материалов было сравнительно немного, и они были нехарактерны для материалов РГО в целом. Рукописи, присланные в РГО учителями, священниками, мелкими чиновниками, придерживающимися либеральных взглядов, содержали более правдивые описания жизни и быта украинского народа. Эти собиратели отрицательно относились к крепостническим порядкам в деревне, сочувствовали тяжелому положению крестьянства, намечали сильные и слабые стороны характера украинского народа, решительно выступая против обвинения его в лени. Так, характеризуя нравы жителей села Дунайцы Глуховского уезда Черниговской губернии, священник Н. Гусаковский в 1848 г. писал, что жители «к физическим трудам прилеж-

³¹ См. рукопись М. И. Пашенко 1857 г. «Очерк Александровского уезда Херсонской губ.», АГО, р. 45, оп. 1, д. № 9, л. 6.

ны, ленивых и вялых в таковых трудах редко ... все почти сметливы, понятливы, рассудительны»³². Однако в целом тон таких описаний весьма умеренный. Обходя острые моменты социальной борьбы в украинской деревне, эти описания, не искажая отдельных фактов и явлений из жизни украинского народа, не давали, однако, правдивой картины жизни в украинской деревне.

Иного содержания были рукописи, в которых сказалась демократическая и революционно-демократическая направленность их авторов. На конкретном этнографическом материале в них разоблачалась лживость получивших распространение в реакционной литературе идиллических картин жизни украинского крестьянства, вскрывались истинные причины его нищеты и забитости, описывались самодурство и бесчеловечность помещиков-крепостников. «В Малороссии,— писал, например, А. И. Каневский³³,— печеный хлеб бывает иногда единственную чрез долгое время и всегда главною пищею для большинства народа. В летнюю пору, проежая большую часть дня вне дома и на открытом воздухе, малоросс снідаєт, а часто и обедаєт одним печеным хлебом с обильным количеством поваренной соли; иногда к своему завтраку он присоединяет спелые головки цыбули (луковицы), свежие или соленые огурцы соответственно времени года, а также вялую заржавленную донскую рыбу (чихонь), последнюю, впрочем, довольно редко».

В фольклорных материалах, приводимых в рукописях этой категории, нередко звучали протест народных масс и призыв к освобождению оружием.

Подбор произведений устного народного творчества открыто антикрепостнической направленности представляет собой рукопись 1848 г. без подписи — «Собрание разных простонародных песен, сказок, пословиц и поговорок»³⁴. Первая помещенная здесь песня содержит рассказ об убийстве гайдамаками «пана Савки». Возникновение этой песни относилось, по-видимому, ко времени особого размаха гайдамащины на Украине — к XVIII в. Социальный протест облечен в этой песне в религиозную форму, но по своей социальной направленности она продолжала оставаться злободневной и в XIX в. Закачивается эта песня смертью «пана Савки», которого гайдамаки поднимают «на тры спысы в гору».

Следующая песня в этой рукописи разоблачает жестокую эксплуатацию помещиками крепостных:

У неділю раненько	Пооралы паны ланы,
Во вси звоньы звонять,	Степы покосылы,
А ассаулы з нагаямы	А мы, бидни сиромахы,
На панцьну гонять.	Дарма чынш платылы.

Каторга солдатской службы, неправый царский суд, паразитизм духовенства — таково содержание следующих трех песен этой рукописи. «Запыв, запыв бидный сиромаха, выйшовши з неволи», — т. е. из тюрьмы, где он сидел невинно осужденный. Словами этой песни автор рукописи как бы указывал на одну из причин пьянства, в котором так часто предстатели казенно-академической науки склонны были видеть источник бедности украинских крестьян. В легенде «Бог и святой Петр» человечность простых людей-бедняков противопоставляется алчности богачей.

Анализ рукописей со стороны их идейно-политической направленности позволяет заключить, что в собирательской работе, развернувшейся на Украине в середине XIX в., нашли отражение основные течения в украинской этнографии: дворянско-помещичье консервативное, либеральное помещичье и буржуазное, демократическое и революционно-демократи-

³² Н. Гусаковский, Этнографические сведения о с. Дунайце Глуховского уезда Черниговской губернии, АГО, р. 46, оп. 1, д. № 9.

³³ А. И. Каневский, Указ раб.

³⁴ АГО, р. 31, оп. 1, д. № 14.

ческое. Начало этих направлений прослеживается уже в середине 40-х гг. XIX в.; к середине 50-х гг. они выступают в этнографическом изучении украинского народа уже значительно отчетливее. Важным моментом развития украинской этнографии за указанное десятилетие было заметное усиление в ней демократических элементов, о чем неопровержимо свидетельствует содержание рассматриваемых нами рукописей. Семена революционно-демократического направления, брошенные на поле украинской этнографии Т. Г. Шевченко³⁵ еще в начале 40-х гг. XIX в., к середине 50-х годов давали уже заметные всходы. Смелее и громче звучит к этому времени в этнографической науке на Украине голос людей демократических и революционно-демократических убеждений. Рукописи такого рода значительно повышают значимость собранных по программе РГО этнографических материалов.

Из представленного нами беглого обзора содержания рукописей, поступивших в РГО с Украины, видно, что к середине 50-х гг. XIX в., в результате собирательской работы, ведшейся согласно программе РГО, любителями украинской этнографии были собраны богатейшие для того времени материалы. Эти материалы впервые давали в определенной системе представление об особенностях языка, нравов и обычаев, быта, фольклора, а главное — материальной культуры не только украинского народа в целом, но и отдельных этнографических групп его. Не случайно составителями первого выпуска «Этнографического сборника, издаваемого Русским географическим обществом» для характеристики культуры и быта украинского народа были взяты рукописи по губерниям, отличающимся друг от друга в этнографическом отношении: Волынской, Черниговской, Полтавской³⁶. Этим самым они хотели дать читателю представление о культуре и быте не только «малороссийской отрасли Русского племени» в целом, но и его «подразделений и оттенков»³⁷.

Рукописи, поступившие в РГО с Украины, дали материал для популяризации этнографических сведений об украинском народе через печать. Особенно много материалов было опубликовано в периодическом издании — «Вестнике РГО»: в 1851 г. (ч. III, кн. 6) статья Стаховича «Народные приметы в отношении к земледелию, погоде и домашнему хозяйству»; в 1852 г. (кн. 5) — статья Н. Михневича «Этнографические и статистические сведения об Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии»; в 1854 г. (кн. 6) — статья Дмитриюкова «Ремесла в г. Судже и Рыльске» (дается описание ремесел украинского населения этих городов); в 1855 г. (ч. 13, кн. 1) — обстоятельная работа Афанасьева-Чужбинского «Быт Малорусского крестьянина», помещенная позже в вып. 3 «Этнографического сборника» и «Полтавских губернских ведомостях». В качестве образца, который может служить «прекрасным руководством при составлении местных этнографических описаний», в «Черниговских губернских ведомостях» (1854, № 12—20) была перепечатана из «Этнографического сборника» РГО и указанная выше статья Г. Базилевича.

Материалы, поступившие в РГО как ответ на разосланные программы, в том числе и с Украины, послужили основой для составления многих классических сборников и трудов по этнографии России.

Используя ответы на программу³⁸, И. И. Срезневский в начале

³⁵ См. указанную работу О. Кравець.

³⁶ Статьи А. Иваницы «Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хрольского уезда»; Г. Базилевича «Местечко Александровка Черниговской губернии Сосницкого уезда»; И. Морачевича «Село Кобыля Волынской губернии Новоград-Волынского уезда».

³⁷ «Этнографический сборник РГО», вып. 1, СПб., 1853. Предисловие, стр. VIII и IX.

³⁸ В особенности следует отметить ценную в этом отношении рукопись А. Метлинского, содержащую 92 текста дум, исторических и других песен.— «Песни былевые (бувальщины) известной эпохи, записанные в Лохвицком уезде Полтавской губернии» (АГО, р. 31, оп. 1, д. № 25, 100 стр.).

50-х гг. XIX в. приступил к составлению «полного сборника малороссийских дум»³⁹, а также словаря «южнорусского наречия»⁴⁰. Фольклорные записи с Украины были использованы А. Н. Афанасьевым при составлении сборника «Народных русских сказок»; П. И. Кеппен привлекал материалы РГО при работе над «Этнографической картой Европейской России». Сохраняясь в архиве Всесоюзного географического общества, все эти материалы и в настоящее время являются ценнейшим источником при изучении культуры и быта украинского народа.

Местная собирательская работа, развернувшаяся по программе РГО на всей основной территории расселения украинцев, вылилась таким образом в невиданное ранее в истории украинской этнографии предприятие общеукраинского значения.

Уже отдельные собиратели в своих рукописях указывали на распространенность тех или иных культурно-бытовых явлений на территории всей Украины. Так, Л. Крамаренко писал, например, в 1854 г.: «Трудно найти какой-нибудь уголок в Малороссии, коего жители свободны были бы от всех поверий и обычаев своих единоземцев, или же имели бы свои поверья и обряды, совершенно незаметные их соседям. Все почти простонародные обычаи, обряды и поверья в сущности своей общи всей Малороссии»⁴¹.

Этнографические материалы в поступивших с Украины рукописях свидетельствовали о единообразии в формах культуры и быта украинцев на всей территории их обитания. Они показывали, что при всей близости в культуре и быте великорусов, украинцев и белорусов каждый из этих народов имеет свои характерные, присущие только ему этнографические особенности.

К. Д. Кавелин, ознакомившись в 1850 г. с поступившими в РГО этнографическими материалами, отметил в докладе, который он подготовил для чтения на общем собрании РГО 27 сентября 1850 г., что «крестьянская архитектура и расположение жилища представляют довольно заметные различия у различных ветвей русского народа»⁴², понимая под каждой ветвью один из восточнославянских народов.

Образцы местных «наречий» в поступавших с Украины рукописях и оценка собирателями языка местного населения свидетельствовали о том, что «наречие», употребляемое в разговоре простым украинским народом на всей территории, занимаемой украинцами, значительно отличается от того языка, «который находится в повсеместном употреблении образованных классов, которым пишутся книги» (программа РГО). Авторы большинства рукописей оценивали «малорусский» язык как самостоятельный, «особенный» язык, а не «отрасль» русского или польского. «Язык, которым говорят местные жители Полтавской губернии... — писал, например, С. Боровский, — есть особенный язык, который трудно понять русскому образованному человеку. Он имеет столько уклонений от того общего языка, который находится в повсеместном употреблении образованных людей... что заметить все эти уклонения в короткое время весьма трудно. Для совершенного узнания малороссийского языка во всех его отраслях и видоизменениях в различных случаях и оборотах речи потребно продолжительное время, соединенное с усердным и внимательным наблюдением»⁴³.

«Народ малороссийский», как именовали его в своих рукописях почти все украинские собиратели, выступал в них, вопреки навязываемой сверху

³⁹ См. «Вестник РГО», 1853, ч. 7, кн. 1, отд. 9, стр. 21.

⁴⁰ Ни первая, ни вторая работа И. Срезневского не появились в печати.

⁴¹ Л. Крамаренко, Обычаи, обряды и поверья народные при совершении таинств и обрядов религии Христовой, АГО, р. 16, оп. 1, д. № 11.

⁴² К. Д. Кавелин, Некоторые извлечения из собираемых в ИРГО этнографических материалов..., стр. 332.

⁴³ С. Боровский, Язык жителей с. Богдановки Прилуцкого уезда Полтавской губернии, 1850 г., АГО, р. 31, оп. 1, д. № 5, л. 1.

великодержавно-шовинистической концепции, как близко родственный русскому, но отдельный, самостоятельный народ, с родственным русскому, но самостоятельным языком, с близко родственными русским, но особыми формами культуры и быта. В ходе этнографического изучения, развернувшегося под руководством РГО, яснее стали выявляться черты культурно-бытовой и языковой общности каждого из восточнославянских народов, в том числе и украинского.

Значение этнографической работы, развернувшейся на Украине под руководством РГО к концу 40-х — началу 50-х гг. XIX в., далеко не исчерпывается только сбором этнографических материалов. В ходе этой работы к занятиям этнографией были привлечены сотни людей, многие из которых, как, например, А. И. Дыминский, А. В. Шишацкий-Иллич, Г. Базилевич, Д. П. Де ла-Флиз и другие, увлеклись ею и оставили заметный след в истории украинской этнографии.

В ходе собирательской работы значительно пополнялись ряды украинских любителей-этнографов. Занятия этнографией приобретали все более массовый характер.

Этнографическая программа РГО изданий 1847 и 1852 гг., дававшая общее представление об объеме предмета этнографической науки, изложенное в доступной для понимания сколько-нибудь грамотного человека форме, явилась своего рода манифестом этнографической науки на Украине так же, как и в других районах России.

* * *

Итак, деятельность Русского географического общества по этнографическому изучению народов России вызвала уже к середине XIX в. значительный подъем и в развитии этнографии на Украине. К началу 50-х гг. начинает оживляться публикаторская работа украинских этнографов. В 1849 г. М. А. Максимович издает свой третий сборник украинских народных песен⁴⁴; А. Сементовский — один из немногих тогда еще сборников украинских загадок⁴⁵. С 1847 г. начинается все более регулярная публикация этнографических материалов в местных «Губернских ведомостях». К середине 50-х гг. в них появляются статьи, носящие характер небольших монографий о культуре и быте жителей отдельных населенных пунктов Украины, выполненных согласно тогдашним методическим установкам. Губернские города: Чернигов, Житомир, Полтава и другие, где имелись типографии, становятся своего рода центрами, вокруг которых группируются местные этнографы.

С 1852 г. начинается работа по этнографическому изучению украинского народа в «Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа», созданной при Киевском университете, организация которой явилась важнейшим результатом связи украинских ученых с РГО. Отделение этнографии этой Комиссии становится первым официальным центром этнографического изучения на Украине.

С начала 50-х гг. XIX в. предметом особого внимания украинских этнографов становятся вопросы методики сбора и публикации полевых этнографических, в особенности фольклорных, материалов. В печати появился ряд заметок, специально посвященных вопросам методики этнографической науки. Так, в «Черниговских губернских ведомостях» в 1851 г. была помещена подобная заметка А. Д. Тулуба⁴⁶; в 1853 г. — статья А. Л. Метлинского⁴⁷.

⁴⁴ «Сборник украинских песен, издаваемый Михаилом Максимовичем», ч. 1, Киев, 1849.

⁴⁵ А. Сементовский, Малорусские и галицкие загадки, Киев, 1851.

⁴⁶ А. Д. Тулуб, Об изучении народного языка Черниговской губернии, «Черниговские губ. вед.», 1851, № 21.

⁴⁷ А. Л. Метлинский, О собрании, приведении в порядок, приготовлении к изданию и печатании народных песен и других произведений народной словесности, «Черниговские губ. вед.», 1853, № 23, или отдельный оттиск из этого номера.

Особенно важное методологическое значение для того времени имела разработка в 1853 г. «Комиссией для описания губерний Киевского учебного округа» всеобъемлющей этнографической программы⁴⁸, представлявшей собой знаменательное явление в развитии этнографической науки в России вообще.

В истории украинской этнографии с деятельностью РГО связано начало нового этапа, выразившегося в объединении усилий отдельных украинских этнографов, в переходе — впервые на всей основной территории Украины — к организованному систематическому сбору этнографических материалов.

Русское географическое общество явилось той формой сотрудничества русских и украинских ученых, которая содействовала развитию этнографического изучения на Украине в тяжелый для этнографии период николаевской реакции.

Широкое привлечение украинских этнографов в ряды РГО в свою очередь способствовало укреплению и углублению его работы, обогащению этнографической науки в России.

Деятельность РГО на Украине является прекрасной иллюстрацией благотворного влияния передовой русской научной мысли на развитие науки у других народов России, и обратно — обогащения этой мысли в ходе братского сотрудничества передовых русских и украинских ученых, так же как и ученых других народов России, даже в столь неблагоприятных для этого условиях царско-самодержавного режима.

⁴⁸ «Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, составленная... В. Д. Дабижею и (по языку) А. Л. Метлинским», Киев, 1854.